

Сухарев А. В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОЙ ЭЛИТЫ В НАЧАЛЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ XVIII В. И В НАЧАЛЕ XXI В.

Александр Владимирович Сухарев, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН. E-mail: zavor753@mail.ru

---

Аннотация: Предмет исследования — особенности ментальности русской элиты в допетровскую эпоху и в настоящее время. Методология и методы исследования базировались на этнофункциональном подходе в психологии. В методическом отношении применялся принцип этнофункционального развития, позволяющий использовать для анализа макропсихологических проблем результаты эмпирических исследований индивидуального субъекта. В результате исследования показано, что содержание государственных решений, принимаемых современной русской элитой для инновационного развития России, по направленности и содержанию, фактически сходны с реформами Петра I. В то же время, ментальность не только всего общества, но и русской элиты изменилась и принимаемые решения существенно сдерживают развитие общества. Показано, что традиционный «мобилизационный» тип развития России должен быть дополнен длительной программой эволюционного развития.

Summary: The subject of this article were the features of mentality of the Russian elite in the pre-Peter I era and modern Russian elite. Methodology and methods the research were based on promising ethnofunctional approach in psychology. There was used the principle of ethnofunctional development, which allows to use in macropsychological analysis the results of empirical research of individual subject. It was shown that the content and the direction of state decisions of modern Russian elite for innovative development of Russia, repeat the content and direction of reforms of Peter I. At the same time, the mentality of not only Russian society as a whole, but also the Russian elite have historically changed and contemporary reforms are significantly constrain development. It was also shown that the traditional mobilization type of development of Russia must be supplemented by long-term program of evolutionary development.

Ключевые слова: макропсихология, реформы Петра I, этнофункциональный подход, ментальность русской элиты, западноевропейская ментальность, инновационное развитие России, мобилизационный и эволюционный типы развития

Key words: macropsychology, reforms of Peter the Great, ethnofunctional approach, the mentality of Russian elite, the Western European mentality, innovative development of Russia, mobilization and evolutionary types of development

Актуальность сравнения задач, стоявших перед Россией в эпоху реформ Петра I и перед современным обществом, и способов их решения вряд ли может вызывать сомнения. Именно властный политический слой как в XVIII в., так и теперь является не только инициатором, но и ответственным за решение данных задач в процессе реформ на обоих этапах развития страны. Современная русская элита, начиная с 1991 г. и до настоящего времени, ассоциирует себя с «птенцами гнезда Петрова», «прорубающими окно в Европу» (на гербе гайдаровского «Выбора России» был изображен памятник Петру I), и определяет общее направление социально-идеологических, технологических, лингвистических и повседневных преобразований как «европеизацию» России.

Исследования современной элиты представляет собой относительно самостоятельное междисциплинарное научное направление, претендующее даже на выделение целой отрасли в социогуманитарных науках — *элитологию*. В настоящее время выделено свыше десятка разных видов элит, имеющих свою специфику [18, С. 6]. Понятие «*русская элита*», используемое в настоящей работе, мы определяем как властный, политический слой российского государства, принимающий государственные управленческие решения. В определении элиты нами используется атрибут «русская» прежде всего в культурном смысле, т.к. мы опираемся на представление о русской *этносреде*¹, в которой русская культура является *системообразующей*. Русская элита, на наш взгляд, обладает рядом признаков коллективного субъекта, сформулированных А.Л. Журавлевым [10]. Под *ментальностью* индивидуального или коллективного (шире — общественного) субъекта мы понимаем его типические представления, отношения, ценности, суждения и т.п., организованные в определенную структуру. В данной структуре можно выделить три составляющих: две изменяющихся — *пространственную* (отображение этносреды в представлениях субъекта) и *историческую* (представления о содержании и последовательности этапов (стадий) собственного развития) и одну *неизменяемую* — *трансцендентную* составляющую как идеальный прообраз развития (*архегения*) конкретного общества

¹ Этносреда отображается в представлениях субъекта — антропо-биологических, культурно-психологических (включая личностные и индивидуальные характеристики), природно-географических (фауна, климат, ландшафт, флора) и трансцендентных, т.е. не воспринимаемых нашими органами чувств (о Боге, духах природных стихий и явлений, духовных сущностях различных религий).

и этносреды в целом, определяемый лишь относительно других субъектов [30, 34]. Ментальность имеет «слоистую» структуру, отражающую содержание последовательных исторических этапов развития этносреды. Ментальность также характеризуется *направленностью*, которая определяется *ведущими представлениями*¹ того или иного исторического этапа.

Проблема нашего исследования заключается в том, что при внешнем сходстве решаемых в рассматриваемые исторические периоды задач, прежде всего задач «инновационного развития» России, существенно различаются ментальность русской элиты накануне петровских преобразований и ментальность современной русской элиты, а также ментальности западноевропейского общества — в XVIII в. и современного, по образцам которых осуществлялись и осуществляются реформы.

Поэтому *целью* исследования было выявление более тонких, дифференцированных культурно-психологических характеристик и детерминант состояния ментальности русской элиты на обоих исторических этапах — в XVIII в. и конце XX — начале XXI вв. Это необходимо для того, чтобы иметь научные основания для оптимизации гигантских усилий, затрачиваемых современной русской элитой, и сделать реформирование более адекватным поставленным целям.

Настоящее макропсихологическое [20, 40] исследование осуществлялось на междисциплинарном внепсихологическом уровне [6], смежном с историей, культурологией, социальной психологией и психологией личности.

В исследовании ментальности личности и общества мы использовали *этнофункциональный подход* в психологии [30, 33 и др.] как одно из перспективных направлений исследования, разрабатываемое в Институте психологии РАН [7, 9]. В данном подходе, согласно принципу этнофункциональности, ментальные категории — образная сфера личности [5], отношения, суждения, ценности и др. наделяются *этноинтегрирующей или этнодифференцирующей функцией*, объединяющей субъекта с тем или иным этносом или этнической системой. В соответствии с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма и смежного с ним принципа этнофункционального развития, по аналогии с последовательностью ведущих представлений в содержании этапов развития русской этносреды — языческого, христианско-

¹ *Ведущими представлениями* ментальности общества на данном этапе развития этносреды называются те, которые в результате историко-психологической реконструкции определяются как детерминирующие ход исторического развития и подготовившие следующий его этап.

го, просвещения, современного этапа *этнической маргинальности* и будущего проектируемого этапа, рассматриваются и стадии развития личности. Они таковы: пренатальная, природная, сказочно-анимистическая, религиозно-этическая (наднациональная), просвещения, стадия этнической маргинальности и будущая проектируемая стадия. В наших теоретических и эмпирических исследованиях показано, что проектируемая стадия развития личности (также как и этап развития общества) предполагает системную этноинтеграцию всех исторических этапов (стадий) развития ментальности субъекта [30 и др.]. Данная интеграция оптимизирует его адаптационный потенциал по различным междисциплинарным показателям (там же). Для оптимизации ментальности субъекта важно понятие *выраженности этнической функции*. Наиболее выраженную этническую функцию имеют самые древние в этногенезе природные представления, затем следует анимизация данных представлений (духи природных стихий и явлений), далее следуют наднациональные религиозные представления и идеи эпохи Просвещения — *естественно-научные представления* *наделяются нулевой выраженностью этнической функции*.

Для анализа ментальности коллективного субъекта использовались результаты эмпирических, клинических и экспериментальных исследований личности в различных областях с использованием *метода структурированного этнофункционального интервью* — в педагогике, юридической психологии, психиатрии, наркологии, психосоматике, психоонкологии и т. д. [30, 32 и др.].

В историко-психологической части исследования осуществлялся историографический анализ литературы на основе *принципа этнофункциональной субъектности*.

Мы полагали, что русская элита имеет признаки коллективного субъекта, поэтому опирались, в частности, на представления об уровне саморефлексии коллективного субъекта [10] и *уровне его этнофункциональной саморефлексии* как характеристики полноты отображения в представлениях коллективного субъекта этапов этнофункционального развития его этносреды. Например, по показателям представленности данных этапов в памятниках письма, археологии, живых традициях, содержании образования, современном искусстве, СМИ и т. п.

Результаты клинических и экспериментальных этнофункциональных исследований личности, используемые в настоящем исследовании. Установлено, что субъектные представления родной природы, полученные в процессе структурированного этнофункционального интервью, в оптимальном случае (по

показателям психологической адаптированности) являются этноинтегрирующими и относятся испытуемыми к возрасту от 2 до 5 лет. То же относится к сказочно-анимистическим образам родной природы и взаимодействию с ними. Искажение этнофункционального развития личности по показателям отсутствия в образной сфере этноинтегрирующих природных и сказочно-анимистических представлений или наличия этнодифференцирующих, относимых к указанному возрастному периоду, обуславливает формирование психологической зрелости (сниженного контроля эмоций и чувств, недостаточно гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоционально-чувственной сфер личности). Как следствие — недостаточно полноценное усвоение нравственных норм и снижение уровня репродуктивного и продуктивного (творческого) интеллекта [30, 32 и др.]. На основе *принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма* природные и сказочно-анимистические представления индивидуально-го субъекта рассматриваются как аналог «языческих» представлений в развитии ментальности коллективного субъекта русского общества. Важно, что образы природы и анимистические представления являются *системообразующими* и наиболее дискриминантными по отношению к различным показателям психологической дезадаптированности [30, 33, 34].

Этнофункциональный анализ состояния русской ментальности, предшествующего петровским реформам

В конце XVII в. ментальность Московской Руси в целом существенно отличалась от западноевропейской степенью представленности в ней идей эпохи Просвещения, прежде всего, научных взглядов, к которым проявлялся относительно внешний, чаще прикладной интерес. Если в Западной Европе к этому времени были сделаны такие фундаментальные естественно-научные открытия как дифференциальное и интегральное исчисление Лейбница, классическая механика Ньютона, гелиоцентрическая система Коперника, законы Кеплера и др., то в Московской Руси появлялись лишь отдельные инженерно-технические изобретения, во многом основанные на западноевропейских образцах.

В ментальности властной элиты можно выделить взаимно этнодифференцированные компоненты: элементы русской дохристианской культуры (язычества), старообрядчество, никонианство и западноевропейские взгляды эпохи Просвещения, при том, что по

сравнению с Западной Европой наибольшей степенью подавления со стороны русской элиты подверглась именно *русская языческая составляющая культуры* [31, 34]. Как царем Алексеем Михайловичем, так и патриархом Никоном, вышедшими из кружка «боголюбцев», преследовались различные проявления русского язычества: игра на гусях, рожках, «сказывание» сказок, скоморошество, пляски, игры, песни и др. [3]. С одной стороны, это касалось не только простого народа, но и русской элиты в особенности. С другой стороны, в среде русской элиты, в отличие от низших сословий, нарастала представленность бытовой культуры западноевропейского Просвещения. В частности, царь Алексей Михайлович любил западноевропейские театральные действия у себя во дворце, польское и немецкое платье и многое другое, в целом отвергавшееся церковью. Исследователи отмечают наличие у царя и приближенных к нему единомышленников отношения к Западной Европе как к «стране волшебных чудес» [19, С. 204]. Именно «общение» Московской Руси с Западной Европой, соперничество и взаимообмен технологиями, приглашение иностранных мастеров, бывшее до XVII века общеевропейской нормой, с этого периода сменилось на западноевропейское «влияние», вследствие осознания русской элитой превосходства Запада во всем, включая «самые основы житейского порядка» [15, С. 241]. Авторитет западноевропейских «новин» среди верхушки боярства и дворянства, а среди духовного сословия (единомышленников Никона) — Византии трансформировался в наивное, психологически незрелое признание данного авторитета во всем, даже в мелочах [12, 19 и др.].

Ментальность западноевропейского общества в целом сильно отличалась от русской ментальности (в том числе и элиты) и отношением к образованию как проводнику идей Просвещения. В Западной Европе «к концу XV века почти не оставалось городов без школы, ... училища не были редкостью даже в мелких местечках и деревнях» [23, С. 33], а в XVI в. во всех западноевропейских странах сформировался «обширный класс лиц, получивших образование в университетах или в средних школах» [23, С. 35]. В Италии с XVI века, а позже и в других странах обучали уже геометрии, арифметике, астрономии, диалектике, музыке и др. [23].

Отметим, что в Московской Руси XVI–XVII вв. не существовало школы — ни как государственного, ни как общественного учреждения [16]. Судя по постановлению Стоглавого собора об училищах (1551 г.), школы существовали лишь в домонгольский период. Церковно-приходские училища, в которых учили грамоте преимущественно для церковных нужд, начали учреждаться св. Владимиром

ром с XI вв. Н. Татищев, считавший веру в Бога самым главным в жизни человека, отмечал, что науки были введены на Руси еще в древности (после крещения Руси), однако после нашествия татар власть духовенства, укрепленная ханскими ярлыками, чрезмерно возросла. Духовенству для приобретения больших доходов и власти «полезнее явилось народ в темноте неведения и суеверия содержать», поэтому училища были оставлены [13, С. 172]. Есть определенные основания предполагать, что и сами митрополиты, будучи до XIV в. преимущественно греками, проводили политику Константинополя, не заинтересованного в просвещении русских с момента крещения Руси еще со времен св. Владимира [14, С. 254–255].

В то же время, как заключает П.Ф. Каптерев, грамотность на Руси никогда не была всеобщей. В допетровский период учителя «о природе, о растениях, о животных, об астрономических и химических явлениях ничего не говорили своим ученикам, так как сами о таких явлениях ничего не знали; но зато много твердили о Боге, ангелах, чудесах, злых духах, их действию на человека» [13, С. 93]. Церковное образование ставило основной задачей спасение души, а педагогические цели и принципы строились на основе книг Сираха и Иисуса Навина Ветхого Завета и сочинений Иоанна Златоуста [13, С. 126].

Специфика состояния ментальности русской элиты как коллективного субъекта к началу петровских реформ, по сравнению с ментальностью западноевропейской элиты, как показали наши ранее проведенные историко-психологические исследования [34], заключалась в относительно низком уровне этнофункциональной саморефлексии по отношению к русской языческой составляющей. Т. е. в вытеснении ее из русского самосознания, прежде всего, по показателю отсутствия ее представленности в материалах письма, да и в повседневной жизни [26, С. 130–131; 34]. В частности, писал Н.М. Гальковский, итальянцы после крещения более тысячи лет «помнили старое язычество», а русские после св. Владимира «значительно скорее забыли свое язычество» [3, С. 130–131]. Следует отметить, что с начала христианизации Руси княжеская власть, в отличие от духовенства, считала музыку, зрелища и другие традиционные проявления русского язычества вполне дозволительными [3, С. 345], а возможности воздействия на язычество со стороны княжеской и духовной власти до монгольского нашествия были сбалансированы, подобно тому, как это было в эпоху Возрождения в Италии. Резкое усиление политических возможностей подавления язычества со стороны митрополитов, под-

держанных ханскими ярлыками, произошло, как было сказано ранее, с XIII–XIV вв. [34].

В середине XVII в. русское духовенство препятствовало любым западноевропейским контактам. Сама принадлежность западноевропейских ученых к католическому или протестантскому вероисповеданию крайне осложняла их деятельность в Московской Руси. Необходимую для выживания России в связи с военной угрозой со стороны Карла XII реформу церковной политики в отношении образования и науки осуществил глава петровской «ученой дружины», ректор Киево-Могилянской академии, епископ Феофан Прокопович. Ему, не отрицавшему важность религии, принадлежат символические слова: «Пусть просвещение волнует век» [22, С. 5]. Вместе с царем Петром I они боролись с политикой духовенства, стремившегося оказывать влияние не только на становление естественно-научных взглядов, образование русских людей, но и на государственную политику современников, запрещая те или иные научные взгляды и открытия. Им удалось переломить сложившееся на Руси отношение и запреты на «новины», исходящие от католических, протестантских и других ученых.

Целями церковной реформы царя Петра I было устранение возможности вырасти русскому папе — второму государю (патриарх Никон требовал величать себя «великий государь») и подчинение духовенства государственной власти. Лишение духовенства власти способствовало этноинтеграции русской ментальности благодаря существенному ослаблению пресса официальной церкви на старообрядцев, ослаблению возможности подавления духовенством иных конфессий и, в том числе русского язычества (хотя указ о веротерпимости от 1702 г. действовал в основном в отношении религии иностранцев), а также устранило препятствование со стороны духовенства получению образования из рук протестантов и католиков. Это существенно повысило *энергию ментальности* [30] русского общества в целом и способствовало оснащению ментальности русской элиты западноевропейским инструментарием эпохи Просвещения — наукой и технологиями, что позволило России сохраниться как государству [35; 36, С. 8].

В целом, начиная с XIII, века из русской ментальности была существенно вытеснена языческая составляющая, что обусловило невысокую психологическую зрелость русской элиты в XVIII в. и позже. Как следствие, уже к XVII веку сформировалось недостаточно зрелое понимание ею источников инновационного развития преимущественно как западноевропейских (с конца XIX в. — США) и недоверие к собственным источникам развития [33].

Этнофункциональный анализ состояния ментальности современной русской элиты

Характеризуя взаимоотношения русской элиты и российского общества в исторической ретроспективе, следует отметить ее относительную замкнутость и разобщенность с народом, по ряду причин наступившую после начала монгольского завоевания, что резко контрастирует, например, с демократическими взаимоотношениями сеньоров и простого народа в Италии эпохи Возрождения [31, 33]. В социальном плане, даже после «перестройки» конца XX в. русская элита «как была, так и осталась непроницаема для разночинцев, которые могли попасть на высокие посты исключительно благодаря назначениям из центра, но не путем выборов» [17, с. 82]. Назначения на государственные руководящие должности по-прежнему базируются на личных отношениях, идеологических принципах, коррупционных связях и пр., кроме профессионально-обусловленных мотивов, основанных на трудовом законодательстве. «Марксистско-ленинская фразеология» русской элиты трансформировалась в «патриотическую и славянофильскую», при том, что ее «экономические взгляды становились все более рыночными...» [17, с. 162].

В настоящей статье нет возможности подробно останавливаться на таком очевидном факте, как необходимость модернизации современной России и инициации данного процесса со стороны русской элиты. Такая необходимость признается в широких кругах российского общества и русская элита, как минимум, декларирует определенные инновационные шаги, поэтому отметим основные положения. Необходимость инновационного развития («модернизации») на современном историческом этапе в России как «внедрение научных знаний и разработок в жизнь» отмечал П.Л. Капица, считавший его важнейшей задачей развития (цит. по: [39, с. 189].

А.В. Юревич также отмечает, что инновации не могут осуществляться лишь в области социально-экономической и технологической [39, С. 192]. Без социальной и психологической, «нравственной модернизации» одна лишь технологическая модернизация представляется явно недостаточной [27; 28; 39, С. 206]. Предполагается, что нравственная модернизация российского общества должна включать в себя формирование различных видов зрелости личности, включая профессиональную, личностную, интеллектуальную, социально-психологическую и др. [8, 37], а также формирование нравственной элиты [18] как специальной задачи.

В ментальности современной русской элиты обращает на себя внимание тот факт, что недостаточно зрелая и потому чрезмерная направленность данного коллективного субъекта на западноевропейские или североамериканские источники технологического развития оставила в качестве слепого пятна реальные естественно-научные (и не только технологические) достижения мобилизационной инновационной политики СССР. Поэтому в данном случае попытка «повторить подвиг Петра I» может выглядеть фарсом.

Существенно, что очередной мобилизационный рывок, осуществленный после октябрьской революции 1917 г., сначала высвободил находящийся под идеологическим прессом духовенства еще сохранившийся в живых традициях дохристианский пласт русской культуры, как и в эпоху Петра, обеспечил «социальные лифты» для социальных низов, относительно сохранивших связь с дохристианской культурой и, тем самым, высвободил существенный энергетический потенциал общества. Однако уже в 1920-е годы начались гонения не только на религии в целом, но и на все «предрассудки» в рамках движения «воинствующих безбожников» и других кампаний. В частности, Л.С. Выготский в неприязни «мистицизма» и сказок вполне консолидировался с педологами А.С. Залужным, К.В. Фараджевым и А.Б. Залкиндом, а последний называл «чудесные» (волшебные) сказки «максимумом педагогического уродства» [11, С. 68]. Выготский, декларируя, что «в развитии ребенок, согласно биогенетическому принципу, повторяет в сокращенном и суженном виде главнейшие стадии и эпохи, которые проделало человечество», в то же время, отдавал необходимую дань господствующей идеологии. Он писал, что сказка это «глубочайшее неуважение к действительности, перевес в сторону невидимого» и полагал, что «весь этот фантастический мир бесконечно подавляет ребенка», а наиболее вредными Лев Семенович считал волшебные сказки (т.е. анимистические представления и т.п. — А.С.) [2, С. 294–296]. Заметим, что такая позиция мэтра советской психологии имела выраженный идеологический характер и была аналогична по смыслу указам «боголюбца» царя Алексея Михайловича в XVII в. («сказок не сказывать ...» и пр.). На наш взгляд, важнейшим негативным последствием революции 1917 г. был очередной этап искоренения из самосознания русского общества сказочно-анимистических, языческих представлений. Т.е. произошло снижение уровня этнофункциональной саморефлексии не только всего общества, но и русской элиты, в первую очередь.

Существенно, что по сравнению с допетровским временем в ментальности русской элиты с 90-х годов XX в. нарастает пред-

ставленность этнодифференцирующих экзотических ландшафтов и продуктов питания вследствие экспансии туризма, торговли, СМИ и т. п. В зарубежные поездки часто берут детей до 5 лет, а в России в детское меню стараются включить «богатые витаминами» экзотические фрукты. Относительно раннее знакомство с экзотическими странами, продуктами питания, культурами (до 5–6 лет) обуславливает нарастание в детской психике этнодифференцирующих представлений и закрепление личностной тревожности со всеми вытекающими последствиями [30].

Таким образом, *с позиций этнофункционального анализа еще большее вытеснение, по сравнению с допетровским периодом, языческой (природной и анимистической) составляющей русской ментальности (а ментальности русской элиты, в первую очередь), наряду с существенно более развитой естественнонаучной составляющей, характеризует ментальность современной русской элиты.* В общепсихологическом плане это означает относительное снижение способности контроля эмоций и чувств и гармоничности взаимодействия эмоционально-чувственной и когнитивной сферы представителей современной элиты.

Интересно отметить, что в процессе провозглашения психологически недостаточно зрелой русской элитой «европеизации» России путем замены названий институтов власти, неоправданного введения в обиход слов английского языка, бытовых привычек, преимущественного приобретения иностранной бытовой техники, одежды и т. п. реальные научно-технологические разработки за бесценок или совсем даром уходили (и уходят) на Запад. «Европеизация» осуществлялась и осуществляется до сих пор в направлении обмена интеллектуальных, научно-технологических, природных и других ресурсов России на чрезвычайно *привлекательные для незрелой психики этнодифференцирующие симулякры*¹. Судя по результатам, именно в этом пока и проявляется гуманитарная составляющая модернизации и инновационные изменения в России. Возникает вопрос, каким должно быть адекватное современной культурно-исторической ситуации инновационное развитие России с позиций русской элиты как коллективного субъекта? Попробуем ответить на этот вопрос на основе теоретических и эмпирических этнофункциональных исследований.

¹ Семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности (понятие введено Ж. Батаем).

Обсуждение результатов

Во влиянии западноевропейской ментальности на русскую этнофункциональный анализ позволяет выделить две составляющие. Во-первых, это естественно-научные представления и технологические идеи, имеющие нулевую выраженность этнической функции и являющиеся весьма полезными для общества. Во-вторых, проблему, как было показано выше, представляет именно гуманитарное влияние, т. е. языковые, социальные, нравственные, бытовые и т. п. представления и направленность (мотивы, интересы), имеющие, как правило, этнодифференцирующую функцию. Сюда относятся языковые, чаще всего не оправданные заимствования или просто замена русских слов иностранными, прежде всего, англицизмами в названиях учреждений, одежды, продуктов питания, блюд и пр., использование английских глаголов. Кроме того, наблюдается массовое проникновение в русскую ментальность дохристианских западноевропейских представлений, например, в форме фантазий Р. Дж. Толкиена. Подобные изменения могут обуславливать психологическую дезадаптированность субъекта, рост тревоги, снижение уровня интеллекта (в т. ч. творческого), рост алекситимии, распространение депрессивных и психосоматических расстройств, наркотизма, криминального поведения и др. [30, 32 и др.]. Многие методы психотерапии, разработанные в Европе и США (кроме психоанализа, базирующегося в основе своей на античных представлениях, общих для Западной Европы и России), исходят из экзотических, этнодифференцирующих образов культуры. Это (гештальттерапия — дзен-буддизм), индийских (аутогенная тренировка — хатха-йога), верования североамериканских индейцев (экотерапия), на восточных психопрактиках в целом (онтопсихология и онтопсихотерапия) и др. «ядовитые цветы восточного мистицизма», неадекватно усваиваемые незрелой психикой [29]. Другими словами, современная западноевропейская ментальность (не говоря уже о США) в значительной мере сама подверглась этнодифференцирующему влиянию восточных идеологий и культур (начало данного процесса можно зафиксировать уже в эпоху Возрождения). Однако при наличии этнодифференцирующих влияний в западноевропейской ментальности была сохранена собственная дохристианская культура (античная, германская и кельтская мифология). В то же время в русской ментальности этноинтегрирующие русские языческие представления, этнодифференцирующие мифологические (античные) и конфессиональные влияния,

а также естественно-научные идеи, имеющие нулевую выраженность этнической функции, до петровских реформ подавлялись духовенством [33].

Сложившееся состояние ментальности русской элиты позволило только в середине XIX века открыть для себя (повысить уровень саморефлексии) существование огромного социального пласта старообрядчества, а в середине XIX — начале XX вв. обратить внимание образованного сословия (в работах Е.П. Аничкова, А.Н. Афанасьева, И.П. Сахарова и др.) на русское язычество, еще сохранившееся, вопреки мнению официальной церкви, преимущественно в форме устных преданий и живых традиций [12, 25 и др.]. Низкий уровень этнофункциональной саморефлексии русской элиты в отношении к дохристианской (языческой) составляющей собственной культуры исторически обусловил ее невысокую психологическую зрелость и, как следствие, негативизм по отношению к научному мышлению («антисаентизм») [39, С. 196].

Обретение русской ментальностью достижений западноевропейского Просвещения осуществлялось, по мнению исследователей периодически и в *мобилизационной* форме [21]. Например, реформы Петра I и Октябрьская революция 1917 г. [24, С. 138] в силу своего мобилизационного характера, имели негативные последствия (соответственно, бироновщина в XVIII в. и забвение гуманитарных традиций в XX в. и др.). Лишь уникальный гений А.С. Пушкина, открывшего для дворянского сословия единство русской культуры, наметил *эволюционный путь развития* русской ментальности, который, в частности, должен был подготовить русский язык и культуру к созданию собственного языка науки. К сожалению, подвиг Пушкина обеспечивший некоторую этноинтеграцию и положивший, по замечанию Д.С. Мережковского, начало русского Возрождения, подобного итальянскому, никто из деятелей культуры в России не поддержал — и грянули события 1917 г., осуществившей насильственную «ротацию кадров» [33].

Таким образом, отличие современного состояния ментальности русской элиты от западноевропейской заключается в сохранении исторически сложившегося недостатка этноинтегрирующих сказочно-анимистических (языческих) представлений. В отличие от ментальности русской элиты допетровского периода, благодаря периодически инициируемому ею мобилизационному западноевропейскому влиянию, ментальность современной русской элиты гораздо более насыщена этнодифференцирующими западноевропейскими представлениями, а также представлениями восточных культур (астрологии, китайской, индийской и др.).

В целом, ментальность современной русской элиты перенасыщена этнодифференцирующими элементами и, в силу сочетания периодических и мощных этнодифференцирующих воздействий мобилизационных инновационных прорывов на фоне длительной автохтонной культурной дезинтеграции с конца XIII в. (подавление дохристианской русской культуры), не готова к органичному усвоению научного мировоззрения, необходимого для принятия адекватных, тем более инновационных, государственных решений.

Нарастающая в исторической перспективе «мобилизационность» деятельности русской элиты (ср. «реформу верхов» Петра I и тотальный переворот и попытку трансформации всех слоев общества после Октябрьской революции 1917 г.) с учетом результатов наших исследований связана с ухудшением качества (т.е. снижением гармоничности) взаимодействия разумного реформирования со стихией эмоций и чувств русской элиты как коллективного субъекта. «Эволюционный» тип развития, в свою очередь, предполагает существенно более гармоничное взаимодействие когнитивной и эмоционально-чувственной сфер в ментальности русской элиты, что более характерно для западноевропейской ментальности.

В настоящее время имеет место попытка русской элиты осуществить модернизацию общества «петровскими методами», как и в XVIII веке, бездумно перенося в Россию все иностранное как полезное, технологическое, так и по «эстетическому критерию», следуя своим недостаточно зрелым, не вполне осознаваемым, но вполне «магическим» [38, С. 194] представлениям о том, что «на Западе все уже придумали» и что, если назвать все «по-западному», употреблять «по-западному» маркированные продукты и заменить значительную часть русских названий и слов на английские, то у нас все будет «как на Западе» и т.п. Насыщение русской ментальности в целом (не говоря уже о русской элите) этнодифференцирующими представлениями, ценностями, интересами и придание ей этнодифференцирующей направленности еще более инфантилизирует молодежь и, прежде всего, будущих представителей элиты. Это не только обуславливает возникновение психологических, нравственных, социальных отклонений и снижает творческий интеллектуальный потенциал, а также еще более укрепляет незрелое представление русской элиты о том, что источников развития в России нет, но они есть на Западе. Психологически незрелое восприятие этнодифференцирующих западных симулякров еще более затрудняет органичное усвоение основ научного мышления, нравственных норм и закрепляет цивилизационную «пери-

ферийность» ценностей и содержания мотивации по отношению к инновациям.

Заключение. На наш взгляд, задачами формирования ментальности русской элиты как коллективного субъекта должны быть, во-первых, гармоничное сочетание православного мировоззрения, традиционно основывающегося на византийской традиции, дополненного свойственной западноевропейской ментальности идеей Фомы Аквинского об изначальном согласии познания посредством Божественного Откровения и разумным познанием [1, С. IX]. Во-вторых, как показывают наши исследования, для формирования полноценной способности субъекта к разумному познанию (творческого интеллекта), а также полноценного усвоения нравственных норм, необходима этноинтеграция всех слоев русской ментальности и, в первую очередь, — ментальности русской элиты. Необходима этноинтеграция, прежде всего, природных и сказочно-анимистических представлений, повышение уровня этнофункциональной саморефлексии по отношению к русскому язычеству. Такого рода этноинтеграция наиболее оптимально может осуществляться в процессе образования будущей русской элиты, начиная с молодых матерей, содержания программ от дошкольных учреждений и, в определенной мере, до уровня высшей школы [30, С. 437–472]. И, наконец, в-третьих, на основе указанной выше этноинтеграции русской ментальности и, прежде всего, русской элиты, необходимо обеспечить более высокий уровень саморефлексии по отношению к системообразующему фактору, наряду с христианством, объединяющему нас с Западной Европой и лежащему в основе научного мировоззрения. Это — древнегреческая античность и язык, которым обязаны своим взлетом эпохи европейского Возрождения и Просвещения и выработка универсального языка науки. Никогда еще классическая античность в русской системе образования и, тем более, для русской элиты, начиная с XVII в., не была представлена в таком мизерном объеме и на таком низком уровне как в постперестроечный период конца XX — начала XXI вв.

Парадокс в том, что поверхностная «европеизация», осуществляемая современной русской элитой, отрывает нас от самых истоков европейской культуры. Академик М.Л. Гаспаров, оценивая роль античности для России и необходимость классического образования, приводит слова русского филолога, члена-корреспондента РАН, почетного доктора 14 европейских университетов Ф.Ф. Зелинского: «К античности восходят не только отдельные наши культурные ценности, но и самое главное в европейской ци-

визации — ее привычка мыслить, ее умственный строй, именно это позволяет русскому, немцу или испанцу лучше понимать друг друга, чем араба и китайца. А изучение античных языков, ..., не сводится к воспитанию ума, а тесно сплетается с воспитанием психологическим, воспитанием нравственным, в конечном счете, служит социологическому отбору, которым совершенствуется человеческий род» [4, с. 13].

Таким образом, этноинтеграция ментальности русской элиты с целью повышения уровня ее саморефлексии по отношению к архаическим (природно-анимистическим) компонентам ментальности необходима для выработки способности элиты к принятию государственных инновационных решений в условиях современного системного кризиса. Данная этноинтеграция необходима также для того, чтобы, наряду с вынужденными *мобилизационными* мерами по обеспечению развития России, наконец, было бы на государственном уровне уделено внимание научно обоснованному *эволюционному* гуманитарному развитию, обещающему результаты не только через несколько лет, но и через десятилетия и проектирующему возможную дальнейшую стратегию развития страны в системе мировых цивилизаций.

Список литературы

1. *Аквинский Фома*. Сочинения / Сост. и пер. с лат. А.В. Аполлонова М.: Едиториал УРСС, 2011.
2. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991.
3. *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1, 2. Харьков: Епархиальная типография, 1916.
4. *Гаспаров М.Л.* Поборник классического образования // Русская словесность. 1993. № 1.
5. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
6. *Журавлев А.Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
7. *Журавлев А.Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
8. *Журавлев А.Л.* «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
9. *Журавлев А.Л.* Основные направления (программа) развития Института психологии РАН на ближайший период // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 5. С. 5–20.
10. *Журавлев А.Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

11. *Залкинд А. Б.* Вопросы советской педагогики. М.—Л.: Государственное издательство, 1930.
12. *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. Т. 1, 2. М.: Изд-во «Квадрига», 2009.
13. *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики. СПб.: Алетейя, 2004.
14. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М.: Терра, 1993.
15. *Ключевский В. О.* Курс русской истории в 9 тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
16. *Князьков С.* Очерк из истории Петра Великого и его времени. Издание 2-е. СПб.: Издание книжного магазина П. В. Луковникова, 1914.
17. *Крыштановская О. В.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
18. *Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.
19. *Кутузов Б. П.* Церковная «реформа» XVII века. М.: Изд-во «Третий Рим», 2003.
20. Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
21. *Морозов Н. М.* Мобилизационный тип развития российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 175–184.
22. *Ничик В. М.* Феофан Прокопович. М.: Изд-во «Мысль», 1977.
23. *Паульсен Ф.* Исторический очерк развития образования в Германии. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908.
24. *Пахомов П. В.* Детерминанты становления власти как основного субъекта русской истории // Философия и общество. 2007. № 4. С. 131–140.
25. *Прозоров Л. Р.* Язычники крещеной Руси. М.: Эксмо, 2006.
26. *Прохоров Г. М.* Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2010.
27. *Психология нравственности* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
28. *Семенов В. Е.* Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 60–70.
29. *Сухарев А. В.* Этнофункциональная психотерапия: теоретико-методологические предпосылки и эмпирические результаты // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 90–100.
30. *Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
31. *Сухарев А. В.* Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества с конца X по XVII вв. // Нравственность современного российского общества. Психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 155–200.
32. *Сухарев А. В., Чулисова А. П.* Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
33. *Сухарев А. В. А. С.* Пушкин и ренессанс в русской культуре: психологический этнофункциональный анализ // Человеческий фактор. 2014. № 3 (70). С. 22–30.

34. *Сухарев А.В.* Структура ментальности русского и западноевропейского общества в X–XVII веках: этнофункциональный анализ // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 129–140.
35. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный анализ личности Петра I в контексте развития русской ментальности конца XII — начала XVII веков // Пространство и время. 2014. № 4 (18). С. 134–143.
36. *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Соцэкгиз, 1958.
37. Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
38. *Фрейд З.* «Я» и «Оно». Тбилиси: Мерани, 1991.
39. *Юревич А.В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
40. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.